

С. А. Штырков

КОНСПИРОЛОГИЧЕСКИЕ НАРРАТИВЫ В СОВРЕМЕННЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ КУЛЬТУРАХ РОССИИ: ОПЫТ ТИПОЛОГИИ

Среди представителей всех конфессий и религиозных групп в той или иной степени распространены конспирологические теории. Однако нет буквально ни одной общины или неформального сообщества (включая существующие в сети Интернет), где не высказывались сомнения в существовании тайного заговора. То, насколько тот или иной человек или целое сообщество будет восприимчивы к конспирологическим идеям или, точнее будет сказать, и способны к созданию их новых редакций, зависит от нескольких факторов.

Первое. Значительную роль в создании плодородной почвы для дискуссий о тайных планах и действиях, производимых на их основе, играет уровень популярности эзотерических настроений, а именно представлений о существовании тайных учений, которые могут быть открыты только посвященным. Ново-языческие (и шире – нью-эйджерские) движения зачастую культивируют убеждение о существовании сокрытого знания, обладание которым способно помочь человеку осознать собственную природу, законы, по которым живет мир, и через это принципиально повысить уровень своей «осознанности» и, соответственно, качество своей жизни и (в перспективе) жизни нации и даже всего человечества. Эта концепция обычно предполагает, что есть силы, негласно скрывшие и до сих пор скрывающие принципиально важную для людей информацию, а также сегменты социального и/или информационного пространства, где эти секреты хранятся. Подобное допущение уже является основанием для конспирологических нарративов. Интересно, что если в том или ином сообществе поиск и обретение сокровенного знания объявляется процессом доступным каждому человеку, независимо от того, прошел он или нет процесс (ритуал) приобщения к группе посвященных, интерес к поискам заговоров резко уменьшается. Когда же в таких группах подобные идеи высказываются, они часто имеют форму, которая соответствует представлениям современного человека о волшебной сказке или поучительной притче.

В тех же информационных сообществах, где образ «тайных доктрин» (эзотеризм) является популярным и определяет актуальные коммуникативные практики, конспирология приобретает довольно яркие формы и тяготеет к типическим форматам. Это, прежде всего, история о «заговоре жрецов» (господствующие религиозные институты обладают какой-то важной информацией, но скрывают ее от простых людей, чтобы манипулировать ими) и «заговоре историков» (историческое знание последовательно искажается, дабы легитимировать несправедливое социальное устройство современного мира). Естественно, что подобное понимание социальной жизни и природы исторического процесса предполагает, что должны быть созданы альтернативные религиозные институты и обществу предложены исторические нарративы, истинные и поэтому способные подвигнуть людей к действиям по исправлению социальной несправедливости.

Другим фактором, влияющим на уровень конспирологических настроений в том или ином сообществе, является уровень провиденциализма. В тех религиозных культурах, где он каким-то причинам высок и (что весьма важно) сочетается в сознании людей с драматичными эсхатологическими ожиданиями, склонность к конспирологическому способу осмыслению происходящего оказываются весьма заметной, а соответствующие идеи – весьма популярными. Важно иметь в виду, что в информационной среде, где учение о предопределении является не только общим теоретическим допущением, но определяет повседневные практики интерпретации событий частной и общественной жизни, многие оказываются способны к вычитыванию неочевидных причинно-следственных связей в событиях ряд в соответствии с какой-то общей установкой. В

качестве подобных общих рамочных идей для христианина может выступать убежденность в скором разворачивании сценария Последних времен и или переживание особой миссии, которая возложена на него лично, его конгрегацию, нацию и пр. В этом контексте опытный взгляд верующего без труда находит информацию для подтверждения конспирологической эсхатологии. Обычно она стоит на тревожной внутренней готовности к последнему испытанию, уготованному верным во времена всеобщей апостасии. Подобный подход характеризует мировидение многих консервативно настроенных евангеликов-протестантов, а также националистически настроенных православных фундаменталистов и приобретает узнаваемые формы заговора Антихриста против Церкви (заговор политиков в форме Тайного мирового правительства, предательства национальным правительством интересов населения и т.п.). Обратим внимание также на то, что для сообществ, склонных к подобным настроениям, характерно острое переживание ограниченности своей группы и ее противопоставленности большому миру.

Еще одним условием для широкого использования конспирологической логики для интерпретации социальной реальности является патерналистские взгляды на природу общественной жизни. Уверенность в том, что все в обществе зависит от радеющих за общество (нацию) государственных институтов (правлящей элиты, тайной полиции и т.д.) и лояльность им составляет необходимое условие для легитимного пребывания гражданина в политическом социальном поле, порождает ощущение, что все происходящее в обществе случается с ведома и / или по (негласному) указанию правителей. Если подобное положение дел понимается как естественное, то позитивные и негативные явления социальной жизни будут интерпретироваться как результат работы одних и тех же механизмов. Эти интерпретативные навыки являются условием и стимулом для реконструкции недоступной через открытые источники логики событий через отсылку на деятельность непубличных организаций – спецслужб и т.п., причем как своих, так и чужих. По моим наблюдениям, в религиозных культурах современной России нарратив о «заговоре [иностраных] разведок» широко распространен прежде всего в тех социальных сегментах, где люди ассоциируют себя с этническим и конфессиональным большинством – православными, в некоторых регионах – мусульманами и буддистами, и демонстрируют устойчивые патерналистские настроения и лояльность государству.

К. А. Богданов

ЗАГОВОР ПРОТИВ КОГО И ЗАЧЕМ? «КОНСПИРОЛОГИЧЕСКИЕ» ПРОИЗВЕДЕНИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИХ ИЗУЧЕНИЕ

В сообщении речь пойдет о том, что имеется в виду, когда современные литературоведы пишут о «конспирологическом романе», «конспирологическом реализме», «конспирологической прозе», «конспирологическом сюжете», «конспирологических формулах повествования», «конспирологическом дискурсе», «конспирологическом детективе», черпая доказательства для своих рассуждений в парадоксально широком круге текстов русской литературы – от «Бесов» Ф.М.Достоевского и романов В.В.Крестовского до произведений В.Кочетова, Анатолия Иванова, Е. Парнова, М. Успенского, А. Лазарчука, Ю. Козлова, А. Проханова, А. Бушкова, Вяч. Рыбакова, А. Гарроса, А. Евдокимова, В. Пелевина, В. Сорокина, О. Славникова, З. Прилепина, Д. Быкова и Б. Акунина. Какая методологическая и, шире, операциональная роль вменяется в этих случаях понятию «конспирологический/-ая»?

К. Б. Егорова

КОНСПИРОЛОГИЧЕСКИЕ НАРРАТИВЫ И ГРАНИЦЫ ИМПЕРИИ

В докладе речь пойдет о генезисе и бытовании конспирологических теорий на пограничных территориях; в центре исследовательского внимания находятся западные границы Российской империи, принадлежащие Речи Посполитой до ее разделов. Материал, относящийся к этим территориям, позволяет по-новому взглянуть на возникновение «теорий заговора» в обществе, поразмышлять, с одной стороны, о специфике пограничья как особого культурного пространства, а с другой, дополнить имеющийся у нас список факторов, формирующих конспирологические настроения в обществе, включив в него специфические характеристики пограничных «теорий заговора».

Обращение к западным границам Российской империи позволит привлечь материал, относящийся к началу XIX века, что немаловажно для дальнейшего развития изучения конспирологии в России. Предметом изучения являются Западные губернии или «кресы», «забранные земли» (в польской традиции), в первую очередь Волынская губерния, вошедшая в состав Российской империи после разделов Речи Посполитой. В докладе эти земли определены как «культурное пограничье» (пограничные территории, представляющие особое культурное единство, конгломерат традиций, языков и литератур всех народов, их населяющих), что отсылает к хорошо разработанной в настоящее время зарубежными и отечественными исследователями теории культурных пограничий и методологической базе их изучения.

Традиционно «кресы» связаны в российских и польских исследованиях с противопоставлением «свой-чужой» и разработкой концепции «образа врага». В подготовленной статье выдвигается гипотеза о существовании специфических черт, характерных для конспирологических нарративов, возникающих на пограничных территориях, на границах империй. Следует предполагать, что одной из таких черт, возникающих на культурных пограничьях, является четкая дефиниция участников заговора, которыми часто становятся представители соседней страны («чужой сосед»); такого типа нарративы часто максимально приближены к шпиономании. При обращении к конспирологическим нарративам, которые формировались на границах империй, можно исходить из предположения о наличии единого или схожего механизма формирования «теорий заговора» на таких культурных пограничьях; эти конспирологические теории близки к шпиономании и исходят из четкого разделения общества на «своих» и «чужих», причем в зависимости от угла зрения и «свои» и «чужие» в равной степени могут становиться внутренними врагами империи. Эта гипотеза получает основание при обращении к материалам общественной жизни Волынской губернии начала XIX века.

Д. М. Ильина

СЛУХИ О ЧУМНЫХ И ХОЛЕРНЫХ ЭПИДЕМИЯХ В МАССОВОЙ КУЛЬТУРЕ: ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ФУНКЦИИ

Доклад посвящен преимущественно изучению влияния мер, предпринимаемых властями, на появление и распространение слухов и толков конспирологического характера. Исследование проводилось с опорой на теории Э. Гилман (Ernest B Gilman) и Р. Мура (Robert I. Moore). Меры по обеспечению карантина, профилактике эпидемических заболеваний и популяризации медицинских знаний в XIX – начале XX века во многом и являлись причиной возникновения конспирологических слухов о врачах-отравителях и вызвали протестные бунты, направленные на расправу с представителями местной власти. В качестве источников преимущественно рассматривались материалы (мемуары, судебные архивные материалы), описывающие события холерных пандемий в России 1831 г. и 1850х гг. С одной стороны, сохранилось достаточное для изучения количество документов и публикаций, с другой стороны, конспирологические нарративы, отраженные в них, можно считать типичными для крестьянской культуры. Случаи расправы с «отравителями», носившими с собой средства для дезинфекции, принудительные обыски

подозрительных прохожих – все говорит о высоком уровне тревожности и недоверии неграмотных слоев населения к официальной медицине. Милитаризация способов борьбы с эпидемией также вызывала агрессию, которая приводила к распространению теорий заговора и массовым протестам. Принудительные карантинные отряды вызывали ответное сопротивление, объяснительной моделью происходящего также являлись конспирологические толки. Остается открытым вопрос о двойном статусе представителей власти в крестьянском сознании. Легенды о царе-избавителе, нашедшие свое проявление, например, в сюжете «об усмирении холерного бунта 1831 г. императором Николаем I», сочетаются с высокой степенью тревожности и недоверия к представителям власти на местах.

И. А. Кравчук

БОГ В САПОГАХ: ОБРАЗ УКРАИНСКОЙ ШТУНДЫ КАК ЗЕРКАЛО ПОЛИТИЧЕСКИХ СТРАХОВ ПОРЕФОРМЕННОГО ВРЕМЕНИ

В политической и культурной истории конспирологии стоит по праву отвести особое место. Образы врага, невидимой интриги, убежденность в хрупкости социального порядка, культурных и нравственных основ, удерживающих нацию не только питают панические настроения, но одновременно с этим конкретизируют систему политических координат, сплачивают и мобилизуют. Этому в немалой степени способствует ключевой прагматический аспект конспирологического нарратива: его универсальность, поливалентность, способность адаптироваться к самым разным дискурсам, взаимозаменяемость его элементов. Таким образом, исследование отдельных конспирологических сюжетов приоткрывает тонкую механику идеологической работы, позволяет выявить точки сцепления разных групповых идеологий и интересов. Применительно к ситуации Российской империи пореформенной эпохи выразительным тому примером является надолго укоренившийся в консервативной периодике миф об исключительной опасности так называемых рационалистических сект, в первую очередь украинских сектантских общин, испытавших воздействие немецкого баптизма и широко известных под общим именем *штунды*. Враждебность синодальных, церковных и губернских властей по отношению к штундистам выходит за рамки обычной конфессиональной политики, проводившейся в империи. Штунду обвиняют то в связях с украинским и польским сепаратизмом, то с террористическими организациями народовольцев, то в подрывной работе в интересах Австро-Венгрии и Германии, то в самостоятельной заговорщической деятельности с целью раздробить Россию и ниспровергнуть авторитет православной церкви. Предметом полемики между журналистами, этнографами и писателями народнического и охранительского толка становится, как это часто имело место в спорах о русском религиозном расколе, вопрос о том, является ли интерес малороссийских крестьян к баптизму наносным, зародившимся под влиянием тесного соседства с немецкими колонистами и зависти к их благополучию, или же этот интерес естественен и отвечает нереализованным потребностям народа. Промежуточный итог этим дебатам подвела философская эссеистика Серебряного века (прежде всего, В. В. Розанов), интерпретировавшая штунду как реинкарнацию петровского духа, вековую мечту русского человека о чисто выметенном немецком мире.

Первые сообщения о контактах немецких колонистов с местным крестьянским населением южных губерний относятся к рубежу 1850-х — 1860-х годов. В конце 1867 года помещик Одесского уезда Александр Значко-Яворский направляет на имя Новороссийского генерал-губернатора Коцебу записку об открытом им и его соседями обществе «штундовых». В этом же году первые сведения о секте были опубликованы газетами «Голос» и «Москвич», что побудило Значко-Яворского переработать свою

записку в отдельную статью, напечатанную 17 февраля 1868 года в газете «Одесский вестник». В своей статье Значко-Яворский настаивает на том, что деятельность штунды носит не столько религиозный, сколько *политический* характер: «Коммунизм есть та удочка, на которую штундовые удят неопитов». Несмотря на то, что первые полицейские проверки, последовавшие за публикацией, не смогли выявить никаких антигосударственных и коммунистических настроений в рядах крестьян, пожелавших вести добродетельную христианскую жизнь и самостоятельно изучать Святое Писание, «штундеры» фактически заняли нишу старообрядцев в конспирологическом сознании правительственных чиновников: ревнителей старой веры долгое время подозревали в преступном сговоре с русской революционной эмиграцией, польскими повстанцами, австро-венгерским тронем и Турцией. Взаимное потепление вскоре после образования Белокриницкой иерархии было форсировано Польским восстанием 1863 года, толкнувшим царскую администрацию на определенные послабления и изменения в этнорелигиозной политике. В то же самое время именно события 1863 года подстегнули рост националистических и шовинистических настроений в российском обществе. Отчаянные поиски следов «польской интриги» накладывались на германофобию, обострявшуюся благодаря сообщениям об увеличении числа немецких колоний в приграничных губерниях. Местная правая пресса активно проводила мысль о том, что скупка земель и вытеснение русской культуры с Юга и Запада империи — целенаправленный процесс, который руками немцев осуществляют поляки в своей патологической ненависти к России. Стремительное ухудшение торговых и дипломатических отношений с Германией, достигшее пика в начальный период царствования Александра III и предопределившее основные направления российской внешней политики в 1880-е — 1890-е годы, совпадает по времени с многочисленными губернаторскими донесениями, журнальными и газетными публикациями, сообщениями помещиков о культурной и экономической экспансии поляков и немцев. 3 декабря 1883 года управляющий Херсонской епархией епископ Новомиргородский Далмат в письме на имя Херсонского губернатора А. С. Эрдели ссылается на сведения, предоставленные ему протоиереем Яковом Опойченко, сообщавшим, в частности, что «штундисты открыто, смело и безбоязненно ведут свою пропаганду всюду, где только представляется к тому возможность; они не только стараются совращать православных при встречах с ними на улицах, на базарах и на работах, но даже врываются вь дома их, понося православие в самых поразительных выражениях. Такое поведение штундистов объясняется поддержкою их извне, как со стороны немцев местных и сторонних, так и социалистов».

Связь штундистского движения с украинским национальным движением и сегодня оценивается по-разному. Правоконсервативная и националистическая периодика в царской России настаивала на том, что и штундизм, и так называемое *украинофильство* — звенья одной цепи, составные части общего плана поляков, австрийцев и немцев по отторжению Украины. Отражая эти нападки, украинская интеллигенция была вынуждена отрицать какую-либо связь между штундой и украинством. К примеру, отвечая на обвинения «Гражданина», М. С. Грушевский писал, что штунда вообще лишена какой-либо этнической окраски. Перед нами «народный протест против омертвления церковной организации». В свою очередь, филолог-славист, публицист, близкий черносотенным кругам Антон Будилович возмущался как раз тем, что штундизм насильственно навязывается украинским крестьянам немцами, тем самым размывающим южнорусскую идентичность: «До какой степени искажается при этом традиционный облик южнорусского казака, видно из того, что в хижинах штундистов обыкновенно бывают развешаны изображения не Сагайдачного или Хмельницкого, даже не Мазепы, а Мольтке и Бисмарка!». Впрочем, сколь бы ни разнились позиции по этому вопросу, есть все основания предполагать, что конспирологические домыслы относительно штундистов и гонения, не заставившие себя ждать вскоре после обнаружения баптистских сект в начале 1860-х, не в последнюю очередь объясняются тем, что распространение штунды совпадает

с достаточно драматичным поворотом имперской политики в Малороссии. В 1863 под влиянием вооруженного противостояния в Польше российское правительство предпринимает наступление на украинское национальное движение: в июле издается печально известный Валуевский циркуляр, поставивший крест на украинском книгопечатании, в том же году была вынуждена прекратить свою работу Киевская Громада. Исторический контекст циркуляра подробно рассмотрен А. И. Миллером в работе «“Украинский вопрос” в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX века)». Наблюдения Миллера существенным образом дополняются Рикардой Вульпиус, доказывающей, что в период подготовки документа Валуев прежде всего учитывал мнение Священного Синода по поводу перевода Библии на украинский язык, сделанного Евгением Морачевским. Издать перевод, наряду с украинским переложением «Священной истории», намеревался Н. И. Костомаров. Дебаты относительно состоятельности украинского языка и возможности издания длились с 1860 по 1863 и окончились отрицательным вердиктом. Отказ в публикации, в то время как стараниями Русского библейского общества книги Священного Писания со времен правления Александра I были переведены на десятки языков народов, населявших Российскую империю, de facto подразумевал отказ украинцам в праве на национальное самоопределение. В 1864 Валуев принял участие в деятельности Временного комитета по раскольничьим делам, в задачи которого входило обновление правовой базы по старообрядчеству и сектантству. Нет ничего удивительного в том, что штундисты, самостоятельно читавшие и толковавшие Евангелие и тесно общавшиеся с протестантами, воспринимались уже не сами по себе, а на фоне недавно отшумевших баталий вокруг перевода Морачевского.

Таким образом, южнорусская штунда с самого начала конструировалась, вбирая в себя целый комплекс конспирологических построений, идеологием и общественных страхов, испытывая воздействие сразу нескольких оптик. В докладе эта конструкция будет подвергнута более подробному рассмотрению.

М. С.Томчин

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СЛУХИ РУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА ЭПОХИ НЭПА

Предметом исследования являются политические слухи крестьян эпохи НЭП. На материале опубликованных информационных сводок ВЧК-ГПУ, периодических изданиях, документах личного происхождения – «письма во власть», дневники и воспоминания проводится типизация политических слухов советских крестьян. 1. О знаменях – эти сообщения рассматриваются на примере слухов о камне с небес, которые актуализировались после падения царевского метеорит. В слухах 1922-1923 годов этот распространенный апокалиптический мотив стал в глазах крестьян предзнаменованием скорой войны, отмены поборов и избавления от коммунистов. 2. Об избавителях – после гражданской войны актуализировались сообщения о «царе-избавителе», причем они имели множество версий – помимо представителей свергнутой династии и большевистских вождей в качестве «избавителей» выступали и другие исторические фигуры, актуальные для того или иного времени и места (Керенский, белые генералы, повстанческие вожди). Однако в указанный период наиболее популярной была «монархическая» версия этих слухов, причем чаще всего «избавителем» выступал не бывший царь, а великий князь Николай Николаевич. Также в 1920-е годы распространились слухи о приходе (возвращении) войска, которое избавит народ от коммунистического гнета – эти нарративы характерны только для советского времени. В качестве «армии-избавительницы» чаще всего выступали русские белогвардейцы, реже – повстанцы и даже армии иностранных государств. 3. О заговоре власти против населения – эти сообщения рассматриваются на примере слухов о новых налогах и поборах, которая власть вводит для того, чтобы «извести» крестьян (например, налоги на окна в избах, на

тараканов и тд.). В 1923 году распространился слух о т. н. «грабналоге» - который в одних сообщениях расшифровывался как «налог за грабеж» (крестьяне должны будут платить за все то, что было ими разрушено и разграблено начиная с 1917 года), однако чаще это слово служило сокращением для выражения «грабительский налог». Сообщения о налогах были чрезвычайно распространенными: так, «избавление» крестьян связывалось прежде всего с их отменой. Также рассматриваются слухи о самозванстве партийных вождей. 4. О заговоре внешних или внутренних сил против власти и/или населения – это прежде всего слухи о том, что события, связанные со смертью советских вождей, являются результатом широкомасштабного заговора, а также сообщения о шпионах и предателях, которые стали особенно актуальными в последние годы нэпа. 5. О Варфоломеевской ночи – сообщения, широко отраженные в источниках, о том, что скоро коммунисты будут резать крестьян (казаков, или только кулаков) или, по другой версии, крестьяне или «избавители» будут резать коммунистов и их сторонников. Варфоломеевская ночь в источниках иногда называется «воробьиной» и таким образом связана с традиционной легендой о «воробьиной ночи» - времени разгула нечистой силы. 6. О скорой войне – эти сообщения были самыми популярными сообщениями периода НЭПа. Практически любая газетная новость вызвала спонтанную реакцию населения в виде массовых слухов о грядущей войне. В 1927 году слухи о войне привели к массовой панике, которая привела к срыву хлебозаготовительной кампании, что стало поводом для начала форсированной коллективизации.

В. Ю. Вьюгин

ШПИОНЫ, ВРЕДИТЕЛИ И ЧЕСТНЫЕ ЛЮДИ: СОВЕТСКАЯ КОНСПИРОЛОГИЧЕСКАЯ ДРАМА 1920-Х – 1940-Х ГОДОВ

К концу 1920-х годов чисто авантюрные литература и кино были вытеснены на периферию как буржуазные и, следовательно, вредные. Вместо них на первый план выдвинулись «серьезные» повседневно-производственные повествования о шпионах-вредителях, процветающих на фоне повседневной строительства социализма. В развитии этой страты эстетического производства для масс значительную роль сыграла быстро реагирующая сравнительно дешевая система театра. Пафоса разоблачения шпионов не чурались ни вскоре забытые драматурги, ни «классики», продержавшиеся на своих пьедесталах вплоть до распада СССР. Пьесы писали и для профессиональных коллективов, и для самодеятельных. В основном их авторы концентрировались на текущем моменте, зачастую нарочито точно указывая время действия, которое разворачивалось практически синхронно с их работой («наши дни»), либо с отставанием в один-два, максимум – несколько лет.

Обширную театральную продукцию 1920-х – 1930-х годов, объединенную общим интересом к шпионам и вредителям, вполне уместно рассматривать как самостоятельный жанр, который можно назвать, пусть даже с известной долей условности, «конспирологической драмой». В своем докладе я рассмотрю особенности и основные модели этого рода малоизученной литературы.

А. А. Панченко

«ОТКРОВЕНИЯ ЗАХВАТЧИКОВ»: НОВЫЕ ДАННЫЕ ОБ ИСТОРИИ «ПЛАНА ДАЛЛЕСА»

Доклад посвящен некоторым деталям текстуальной истории так называемого «Плана Аллена Даллеса» – конспирологической мистификации, основанной на фрагментах из романа Анатолия Иванова «Вечный зов» и получившей широкое распространение в России с первой половины 1990-х гг. История первых публикаций и распространения «плана Даллеса» в постсоветской России уже неоднократно обсуждалась – хотя преимущественно не академическими специалистами, а журналистами. Единственная специальная работа на эту тему опубликована 2015 г. – это статья политологов Сергея Голунова и Веры Смирновой в 37 томе журнала «Acta Slavica Iaponica». По мнению исследователей, впервые соответствующий фрагмент из «Вечного зова» был атрибутирован Даллесу в памфлете украинского поэта и публициста, члена ЦК КПСС в 1990–1991 гг. Бориса Олейника «Князь Тьмы: Два года в Кремле» (1992). Это, однако, не так. Во-первых, сочинение Олейника имеет две достаточно сильно различающиеся редакции, и «полный» вариант ПД присутствует лишь во второй из них. Во-вторых, впервые текст, получивший впоследствии распространение в качестве «Плана Даллеса», появился в постсоветских газетах прокоммунистического и «национал-патриотического» направления весной 1992 г. в составе частично фальсифицированной подборки «высказываний врагов России» (здесь, помимо Даллеса, фигурировали Наполеон, Геббельс, Кеннеди и Бейкер). Самая ранняя известная мне публикация этого текста появилась в апреле 1992 г. в прокоммунистической газете «Народная правда» под заголовком «Откровения захватчиков». В докладе рассматриваются источники и культурно-исторические контексты этой подборки.

И. В. Козлова

«ПЛАН ДАЛЛЕСА» В СОВРЕМЕННОЙ ИНТЕРНЕТ-ПОЭЗИИ

Использование конспирологии в качестве универсальной объяснительной модели мироустройства было знакомо многим обществам в разные времена, но популярность её не всегда и не везде была одинаковой. Очередной взлет конспирологических нарративов происходит в современной России, мы можем наблюдать его и в СМИ и на разных ресурсах интернета (на сайтах типа «Стихи.ру», «Проза.ру», «YouTube», в соцсетях), где свои произведения выкладывают обычные пользователи.

Одним из любимых текстов российских сторонников теории заговора является так называемый «План Даллеса». Это текст, авторство которого приписывают Алену Даллесу (главе ЦРУ в 1953–1961 годах), содержание текста представляет собой план по моральному разложению населения СССР и соответственно развала и уничтожения советского, а затем и российского государства без войны. В 2015 г (7 апреля) «План Даллеса» попал в федеральный список экстремистских материалов. Связано это было с тем, что он распространялся в виде листовок по почтовым ящикам домов в г. Асбест. В интернете кроме листовок с «Планом Даллеса» встречаются также листовки с текстом под названием «Наш ответ на план Даллеса».

Авторы большинства художественных и публицистических текстов о «Плане Даллеса» считают, что жизнь их страны протекает в соответствии с действием «Плана Даллеса», соответственно внешний враг в их творчестве оказывается равен «настоящему хозяину» жизни сегодняшней России. В некоторых текстах говорится о том, что современное отечественное правительство – американские марионетки, в других американскими марионетками считаются либеральные оппозиционеры. И в том и в другом случае главным враждебным сообществом являются некие последователи Алена Даллеса, которые находятся за границей, но могут иметь своих агентов внутри страны.

Тексты про «План Даллеса» на сайтах «Стихи.ру» и «Проза.ру» строятся в основном примерно по той же схеме, что и листовки, только художественным языком. Причем некоторые художественные тексты обнаруживают знакомство их авторов не только с

«Планом Даллеса», но и с текстом «Нашего ответа на план Даллеса». Работая с текстами этих ресурсов, я надеюсь понять, что для авторов оказывается наиболее важным в «Плане Даллеса», и как с помощью «Плана Даллеса» авторы объясняют социально-экономические и моральные процессы современного мира.

А. И. Разувалова

ТРИЛОГИЯ ОЛЕГА МАРКЕЕВА («УГРОЗА ВТОРЖЕНИЯ», «ЧЕРНАЯ ЛУНА», «НЕУЧТЕННЫЙ ФАКТОР»): О ПОП-КУЛЬТУРНОЙ КОНСПИРОЛОГИИ И ЕЕ «МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ВОЗМОЖНОСТЯХ»

Сотрудничающий с Изборским клубом историк и публицист Андрей Фурсов, полагает, что художественная литература, авторы которой обладают конспирологическим знанием, может быть ценным методологическим источником для читателя, стремящегося разобраться в историко-политических хитросплетениях. Именно Фурсов стал одним из пропагандистов творчества писателя Олега Маркеева – автора серии романов о тайном эзотерическом обществе «Орден Полярного Орла».

В докладе романы Маркеева будут проанализированы как поп-культурная конспирологическая версия событий в России 1990-х – 2000-х гг., которая, тем не менее, оказалась интересной профессиональному историку Фурсову, во-первых, стремлением автора реинтерпретировать политико-экономические процессы, исходя из факта существования и борьбы тайных организаций, во-вторых, антилиберальным пафосом.

Фурсов заявляет, что эти романы способны помочь читателю «прочистить мозги», но благодаря чему возникает этот эффект? Для ответа на этот вопрос будут проанализированы жанровые особенности романов Маркеева, структура образа главного героя, специфика поп-культурной антилиберальной критики и мифология, сложившаяся вокруг факта таинственной смерти писателя.